

НАША СТРАНА

Год издания — 40-ой. Буэнос Айрес, суббота 17 сентября 1988 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 17 de setiembre de 1988 № 1989

«ВСЮ ЖИЗНЬ И ВСЕГДА — ЗА РОССИЮ!»

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ В. К. ЛЕВАШЕВА-ДУБРОВСКОГО

Четыре года тому назад мы начали издавать двухнедельную газету, имея деньги на 4 номера. Было очень трудно, но, благодаря тому, что мне сразу же удалось восстановить, хотя и сильно потрепанную войной, но все же сохранившуюся сеть бывших представителей «Голоса России», вышедшего в Болгарии, уже тогда зарекомендовавших себя честными и преданными нашему делу людьми, газета с первого же номера стала окупаться, правда, только теоретически, так как очень трудно было наладить получение денег, но все же, стало ясно, что газета будет жить.

В течение первых двух лет кое-как удавалось сводить концы с концами и, пользуясь тогда еще сравнительно низкими ценами здесь, издать первую часть книги Солоневича «Диктатура импотентов». К концу этого срока (двухлетнего существования газеты) положение резко ухудшилось с переселением И. Л. Солоневича в Уругвай, и, главное, все растущей дороговизной. Стало ясно, что продолжая таким образом издание газеты, можно придти лишь в тупик. Двухнедельное издание перестало давать достаточный для существования газеты доход. Об издании книг и думать не приходилось. Переход на еженедельное издание, о котором я давно мечтал, невозможно было осуществить, так как нужно было выдерживать какой-то период времени, в течение которого приходилось бы платить за выпуск номера еженедельно, получая деньги за старые, еще двухнедельные номера. То есть расход должен был стать вдвое больше прихода. В это время каким-то чудом удалось найти заем на издание «Народной монархии». Однако, этот заем, употребленный на издание книги, превратился бы на долгий промежуток времени в мертвый капитал — и издание и продажа книги потребовали бы очень продолжительного срока. Тогда я, можно сказать, самовольно, так как И. Л. побаивался риска и на мои настойчивые уговоры, ответил в конце концов только: «делай, как знаешь!» — решил на комбинацию издания «Народной монархии» и еженедельной газеты. И слава Богу, не ошибся ни в своих расчетах, ни в своих силах. Благодаря этому мне удалось заложить фундамент настоящего дела, которое я с тех пор и строю.

При еженедельном выпуске, требующем, конечно, вдвое больших, по сравнению с двухнедельным, усилий и работы — газета сохранилась и содержит и себя самое, и И. Л., и единственных непосредственных работников в издательстве — меня и жену мою, являющуюся моей незаменимой помощницей.

За полтора года этой «новой эры» я, как вы знаете мог издать уже три выпуска «Народной монархии», сказку, написанную И. Л., и пойти на

Всеволод Константинович Левашев-Дубровский

Своими изданиями Иван Лукьянович Солоневич вернул национальной русской прессе ее роль и значение, коими она гордилась в отличие от Западной Европы в Империи Российской: издания его служили стране, но не подслуживались никому! Ни денежным меценатам, ни бытовым организациям, ни политическим партиям и их политиканствующим руководителям. Созданные И. Л. Солоневичем газеты объявляли себя беспартийными и таковыми и были. Взвзяв на себя смелость, а тем самым и ответственность диалога с эмигрантской массой, но «лицом к России», газеты эти приняли на себя и обязанность посильного, беспристрастного и беспристрастного арбитража в эмигрантской общественно-политической жизни. Ничего этого они не смогли бы проводить в жизнь не будь у И. Л. Солоневича правой руки по имени Всеволод Константинович Левашев-Дубровский. Поэтому в 40-ю годовщину со дня основания «Нашей Страны» мы публикуем выдержки из писем этого, скончавшегося в ноябре 1966 года, пламенного русского патриота. Письма эти служат красноречивым материалом к истории «Нашей Страны», отражают поистине титанические усилия тяжело больного сердечной астмой человека, направленные к сохранению и развитию газеты и издательства, человека не сдающегося ни перед материальными трудностями, ни перед ударами в спину иных «соратников», людей с избытком чувства собственного достоинства. «Чувство собственного достоинства» — острит И. Л. Солоневич — «у них больше самого достоинства». Всеволод Константинович знал думы, стремления и мечты И. Л. Солоневича лучше всех других, его окружавших. И после смерти Ивана Лукьяновича «Наша Страна» не погибла, как ожидали многие, а продолжала свое существование исключительно благодаря энергии, настойчивости и веры в правое дело В. К. Левашева-Дубровского. В очень большой степени «Наша Страна» обязана ему тем, что она сегодня отмечает свое 40-летие.

новый и очень большой риск — издания книги Б. Н. Ширяева — «Ди Пи в Италии». О книге профессора Зызыкина я не говорю — она издана без риска: на собранные им и мною по предварительной подписке деньги. Кроме этих изданий за это же время были выпущены по-английски Манифест Великого Князя и «Третья Мировая в три месяца» Ивана Солоневича.

Отделив совершенно издательский фонд от газеты, я стал накапливать оборотный капитал. «Накопить» его лишь медленной продажей книг — нельзя. Нужно было пойти на новый риск. И я на него пошел — изданием «Ди Пи в Италии», в которое я вложил все, что было у меня в кассе, все, что удалось собрать по предварительной подписке

и заняв под личную ответственность у здешних наших друзей на 2-3 месяца недостающую сумму. Книга вышла и начинает продаваться. Я верю в ее успех и потому не боюсь. Но остановиться на этом и ждать возвращения денег — нельзя. Это значит снова затормозить окончательно все дело. Поэтому я иду дальше и дальше. Сейчас печатаю в газете — глава за главою — новую книгу Б. Н. Ширяева «Светильники Русской Земли», с тем, чтобы удешевив таким образом издание, выпустить к концу года и ее на рынок. Дальше... у меня еще много планов, но, главное — вперед и вперед. Мне очень трудно, во всех отношениях трудно, но это меня не пугает. Чем больше будет пущено на рынок книг — «названий» книг, а не количества

экземпляров — тем легче будет намазывать и наматывать ниточки отдельных поступлений, создавая тот оборотный капитал, который позволил бы все шире и шире развернуть издательство. Как бесконечно нужно нам настоящее русское издательство — не Чеховское, целью которого является кажется, лишь заморачивание мозгов, — а истинно-русское национальное издательство. Если смогу, если Бог поможет, то доведу это дело до размеров настоящего дела, вырвавшись из рамок кустарщины и гнета, создаваемого необходимостью «побираться» и сплошь да рядом «перехватывать» на несколько дней недостающую к очередному четвергу (день платежа в типографию) сумму... Вот общий фон, на котором разворачивается моя борьба. К моему и нашему общему горю, Иван Лукьянович все последнее время чувствует себя настолько плохо, что никак не может серьезно взяться за брошюры на английском языке... Даст Бог, наступит и этот момент — он никогда не настанет «поздно» — пропаганда наших идей, в противовес левым, будет нужна всегда, но каждый упущенный день жжет меня, как огнем. Пытаюсь кое-что наладить здесь — на испанском языке. Трудно мне очень — едва хватает времени (силы находятяся!), но все же пытаюсь... (4-11-52)

Еще один штрих к общей картине. Итак, еженедельно выходит газета. Номер, кроме статей И. Л., составляю я, имея непосредственный контакт со всеми нашими сотрудниками. Черновая работа: подбор материала, исправление рукописей и в стилистическом отношении и — иногда — подчистка и в идеологическом; далее: переписка всего материала на машинке, если авторами он представлен в рукописи — дело моей жены; вся работа по выпуску номера, обычная для редактора газеты, и необычная — так как в четверг от пяти с половиной утра до 13 часов я превращаюсь в типографского работника и сам верстаю газету, представляя жене последнюю корректуру, которую она там же в типографии делает. В пятницу — экспедиция номера, при которой нам помогают две дамы, так как в противном случае, она затянется бы на два дня. Кроме этой работы, связанной с самим выпуском номера, на мне лежит вся администрация и корреспонденция. Администрация связана с поддержанием связи и ведением счетов каждого из 82 представителей и перепродавцов газеты и книг. И не только ведением счетов, но и изысканием способов получения денег из стран, где высылка денег за границу не разрешается, а такими являются почти все... Корреспонденция — в среднем пятнадцать писем в день, требующих ответа — иногда простого, иногда довольно сложного и более

или менее подробно. Темы — весьма различны, но даже и в тех случаях, когда они не касаются вопросов связанных непосредственно с газетой, я считаю необходимым на письмо отвечать и никогда не отталкиваю людей молчалием. К этому следуют добавить, что громадные расстояния в Буэнос Айресе отнимают невероятное количество времени: поездка в типографию и обратно — два часа, поездка на почту — около трех часов времени. Эти обязанности лежат на моей жене, дополняя ее нагрузку по другим «отраслям» жизни (хозяйство, стирка) и работы — переписка на машинке и прочее. В общем мы едва справляемся со всею этой работой, отдавая ей все силы и все время: с утра и до ночи, без воскресений или праздников. Начинается мой трудовой день в четыре часа утра, когда я уже — за столом, и у жены — в шесть часов, и продолжается до девятидесяти часов вечера — без перерыва, без отдыха. Вы понимаете, что для того, чтобы так работать, надо очень верить в дело, которое делаешь и надо его очень любить. В особенности это касается моей жены, которая в свои 28 лет умеет так отдавать свою жизнь служению идее.

Для полноты впечатления надо сказать, что редакция наша находится в комнате, размером три на три с половиной квадратных метра, которую мы занимаем в чужой квартире. В этой же комнате — наша спальня, столовая, гостиная, часть склада газет и книг, и мой «кабинет», зажатый в угол между обеденным столом и двумя этажерками и имеющий площадь в 0,75 на 1 квадратный метр. Я сказал «часть склада» потому, что другая часть его находится на ступенях лестницы ведущей во второй этаж, где находится редакция, и образующий нечто вроде балюстрады. Вот, как работает «редакция и издательство «Наша Страна»» со всем своим персоналом из двух «персон». (4-11-52)

Два слова о себе лично: я участник гражданской войны на Юге России, затем — галлиполиец, дальше — Болгария и с 1944 года — Австрия и Аргентина. Коротко — но все ясно. Вся жизнь и всегда — борьба за Россию.

Жена родилась в Белграде, но родители научили ее такой любви к родине, которую не часто найдешь... Потому и только потому она может выносить напряженную обстановку нашей работы и жизни. (4-11-52)

В своем письме я описал нашу жизнь — так как она есть, без прикрас ни в одну, ни в другую сторону. Что это? Вопрос в том, как к этому подойти. С нормальной, общечеловеческой точки зрения, наша с женой жизнь выглядит, вероятно, удручающе. Работаем с утра до ночи, отдавая этой работе все силы и всю личную жизнь, делаем какое-то — с нашей точки зрения — большое и нужное дело, и не имеем возможности оплатить квартиру, 4 года ютимся в одной комнатке, вместе с кипами газет и книг и т. д. С моей же точки зрения это выглядит иначе: слава Богу, что мы имеем возможность работать так, как мы работаем, слава Богу, что работа наша нас удовлетворяет и слава Богу, что прежде желания личного благополучия — мы с женою одиноково охвачены стремлением как-то расширить дело, как-то добиться того положения, при котором оно будет приносить еще большую пользу. Это

предисловие для того, чтобы и к материальному положению И. Л. Солоневича можно бы было подойти с разных точек зрения. С тех же. Так как и он, и мы — одиноково зависим от положения газеты и издательства.

Наша материальное благополучие — И. Л. с женой и наше с женой — взаимно связано: все, что можно выделить из тех сумм, которые поступают от продажи газеты и книг, я делю пропорционально: 60 процентов — И. Л., 40 процентов — нам. Других средств к жизни нет ни у него, ни у нас. А то, что я могу выделить из сумм газеты и издательства, является самым строгим прожиточным минимумом. Не знаю, что каждому скажут цифры — в каждой стране они выглядят по-разному, но, чтобы быть совсем открытым, — общая сумма на жизнь и И. Л. и нашу колеблется в пределах 200 долларов в месяц. Это — все, что я могу, честно и прямо сказать. Жить на эти деньги можно — жить скромно, считывая каждый цент, но болеть — нельзя. Всякое же увеличение ежемесячного нашего «жалованья» могло бы идти лишь за счет того капитала, состоящего из поступлений денег от подписчиков и перепродавцов, малейшее уменьшение которого могло бы привести к краху, к невозможности располагать в очередную пятницу суммой необходимой для того, чтобы «выкупить» номер из типографии и разослать его. А это — не меньше и не больше, как 150 долларов еженедельно.

Я не могу ничего к этому прибавить, кроме того, разве, что все это борьба, тяжелая и суровая борьба. Это — фронт. И до намека даже на какое-то материальное благополучие нам еще очень далеко. Но пока что — не в этом дело. Дело в том, чтобы существовала газета, чтобы можно было печатать книги, чтобы можно было открывать людям глаза и отрезвлять мозги. Чтобы создать какие-то контингенты людей мыслящих трезво и здраво, верующих в будущее нашей родины, в ту идею, которая одна способна сделать это будущее великим и славным — в идею народной монархии. Вот и все. (23-11-52)

Нельзя забывать о двух вещах:

1. Мы в Зарубежье сейчас не имеем ни одного национального издательства. Эту пустоту надо заполнить, пока еще есть время, пока национальное издательство не попало еще в чужие руки... и

2. Эти издания — единственная возможность дать какой-то гонимым нашим сотрудникам, работающим в газете или совсем бесплатно, или получающим какие-то более чем скромные — не гонимые — а какие-то гроши, которые я могу урвать из нашей убогой кассы. При издании книг — авторам я буду выплачивать 50 процентов чистого дохода, оставляя другие 50 процентов на дальнейшее развитие дела.

Думаю, что реализации этого скромного плана я действительно добьюсь. Зная, что это — немного, но это все-таки кое что. Это — ряд произведений имеющих одну и ту же общую направленность, бьющих в одну и ту же цель. Нужно бы и можно бы было сделать гораздо больше, но тут приходится опять вспоминать о «крыльях», которые отрастают, но как медланно отрастают... Но все же отрастают.

Сейчас, несмотря на то, что уже 9 часов вечера, а я сижу сегодня за машинкой с половины пятого утра, надо еще передать машинку жене и продиктовать ей очередную статью

И. Л. для следующего номера, которая завтра в 6 утра уже должна быть в типографии... Жизнь идет своим чередом, предъявляет свои требования. Жена моя только что оставила уют: сегодня воскресенье — день стирки и глаженья, так как все закрыто и она может не выходить из дому — ни в типографию, ни на почту, ни по другим делам ехать не надо. Но впереди еще два-два с половиной часа писания на машинке и я действительно преклоняюсь перед доблестью этой настоящей героиней борьбы за родину, отдающую ей свои лучшие годы. (23-11-52)

О том, что И. Л. Солоневич болен раком не знал никто: ни он сам, ни его жена, ни, конечно, мы. В течение последнего времени он несколько раз бывал у докторов, но возвращался от них всегда неудовлетворенным, так как ни один из них, как он думал, не может определить его болезнь, и давали ему какие-то таблетки и уколы. Давалось это, очевидно, для понижения боли, а то, что они не могли определить, чем он болен, я думаю объясняется попросту тем, что не хотели сказать прямо, что положение его безнадежно. Не каждый врач решится так прямо поставить пациента лицом к лицу с неизбежной мучительной смертью. И только недавно, как писал сам И. Л. в своей статье «Осложнения», русская женщина врач обратила внимание на явные признаки анемии и настояла на подробном осмотре и всех необходимых анализов. Историю с первой попыткой в университетской клинике И. Л. описывал в газете. Вторично он был помещен в частный госпиталь, где и находился с 14 апреля — по день операции 24. В течение всего этого периода он подвергся ряду исследований, в результате которых, как ему сказали, была необходима операция, после которой он будет чувствовать себя прекрасно и будет вполне здоровым человеком. О раке и тут ничего не говорилось. И только вечером, накануне операции врачи предупредили жену его о том, что нет никаких сомнений: налицо рак желудка и в очень запущенной форме. Ему все-таки так и не сказали об этом, слава Богу. И он совершенно спокойно ждал операции, ни на минуту не думая о возможности рокового исхода.

Когда на операционном столе, была вскрыта желудочная область, картина, представившаяся врачам была столь ужасна, что один из них предложил не делать вообще никакой операции и представить болезнь ее нормальному ходу — жизни оставалось все равно месяца 2-3: при любом положении и без операции и с операцией. Другой, однако, настоял на попытке помочь все-таки и сделать все, что можно. В течение трех часов они его оперировали: вырезали две трети желудка, часть панкреатической железы и часть двенадцатиперстной кишки, на которой были обнаружены две язвы. Раком кишка поражена еще не была. После операции И. Л. пришел в себя и чувствовал себя, как казалось, хорошо. Через час, примерно, ему сделали переливание крови (до операции было сделано восемь переливаний — он совершенно обессилен был болезнью). То ли во время этого переливания, то ли непосредственно после него И. Л. внезапно скончался. Оказалось, что от сердечного удара. Сердце остановилось.

Похоронили его на английском кладбище в Монтевидео, где можно было приобрести землю на 99 лет, в то время, как на других — не более,

чем на пять. Его вдова намеревается соорудить на могиле плиту, чтобы предохранить могилу от уничтожения, в надежде, что Россия будет освобождена и тогда удастся, быть может, перенести тело на родину. (2-5-53)

Все это было так внезапно. Мы никогда себе не представляли возможности такого серьезного положения. И сам И. Л. никогда об этом не писал, да и не думал, вероятно, и он сам. Мы были совершенно потрясены и только необходимость сейчас же, немедленно, взяться за работу, чтобы продолжать то дело, которое он создал, спасла нас от уныния. Но жена моя за эти дни совсем извелась. Плачет и не может примириться с этой мыслью. Я представляю себе как больно отзовется во многих и многих сердцах эта потеря. Ушел человек, которого заменить нельзя. У нас нет другого такого ума, другого такого журналиста, другого такого борца — бескомпромиссного и неподкупного — каким был он. Единственное утешение в том, что Бог поможет нам, его ближайшим друзьям и сотрудникам, продолжить его дело так же честно и так же бескомпромиссно, но, боюсь, не с той силой, не с тем талантом — ибо, повторяю, второго такого нет. Однако, я хочу сохранить его дух в газете и его «присутствие». В общем сделаю все, что могу и так, как сумею лучше — для того, чтобы «Наша Страна» осталась «газетой Солоневича. Верю, что Бог поможет так как считаю, что делал он правое дело, которое должно жить, развиваться и должно быть донесено до России — единственный преемник его идеи — русский народ и мы должны донести эту идею до России и передать ее русскому народу. Трудно мне будет, конечно, я знаю. Но верю в помощь Божию, верю и в помощь всех тех, кто до сих пор являлся ближайшими нашими сотрудниками. Все вместе мы сумеем сделать то, что нужно. (2-5-53)

Мне рассказывали, что в Мюнхене, один член Народно-Монархического Движения, живущий на помощь, в сущности мизерную, полуголодный паек, приносил свои 50 кренигов — ежемесячный членский взнос и не имея денег на трамвай или автобус, приходил пешком на собрания или за новостями за 20-25 километров, — вот это я считаю настоящей жертвенностью, такими людьми строилась Великая Россия и такими же она будет построена вновь. (27-9-54)

Ни титулы, ни звания, ни те или иные роли, меня не интересуют ни в какой степени. Меня интересует лишь исполнение того долга, который волею Божией тяжелым бременем лег на меня и который я буду стремиться исполнить — до последней минуты. (21-11-55)

Надо, следуя завету Ивана Лукьяновича, предпочтительнее «отмывать грязь с лика России», чем углубляться в те недостатки, которые имели место — в силу тех или иных причин в старой России. (25-11-57)

Моя жена, Татьяна Владимировна отдала работе со мною 14 лет, лучших лет своей жизни, а последние, почти три года, еще, кроме того, ухаживанию за мной. Это святая женщина, отдавшая всю молодость и монархическому движению, и газете, и мне лично. (21-8-62)

М. АНТОНОВ

УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ — ВЫСШИЙ ВЗЛЕТ НАРОДНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

(Продолжение. См. 1987, 1988)

Отметив, что началом Запада была двойственность в жизни народной (народы-завоеватели и завоеванные народы) и двойственность в понятии духовном (единство в покорности у римлян и отрицательная односторонность свободы у их завоевателей), Хомяков подчеркивал, что в России все обстояло иначе:

"Иное дело Россия, в ней не было ни борьбы, ни завоеваний, ни вечной войны, ни вечных договоров; она не есть создание условия, но произведение органического живого развития; она не построена, а выросла". (424)

"Раздвоение не лежит в основе нашего характера... Единство... лежало искони в понятиях славянской общины и заключается не в идее дружинного договора Германского или формального Римского права (т. е. правды внешней), но в понятиях естественного и нравственного братства и внутренней правды".

Это, конечно, не означает, будто Хомяков представлял русскую историю как сплошную идиллию, как это изображают материалистические исследователи, комментаторы и составители словарей. Нет, Хомяков видит раздоры и междоусобицы, он спорит с утверждением И. В. Киреевского о том, что "христианское учение выражалось в чистоте и полноте во всем объеме общественного и частного быта древнерусского". Хомяков проследивает трудный путь становления этой цельной Святой Руси, но в то же время подчеркивает извечное существование главной предпосылки этой цельности — идеи Правды, сочетавшейся со времени принятия христианства с идеей Любви. Поэтому он разделяет основной тезис И. В. Киреевского о том, что рассудочность и раздвоенность Запада, разумность и цельность древней Руси, — вот новая точка зрения, с которой необходимо рассмотреть всю всемирную историю, все явления Православного и Западного мира.

Противоположность западных и русских воззрений Хомяков видит во всех сферах жизни. Европейец склонен к абстракционизму и космополитизму, потому что

"Европейец, вечно толкующий о человечестве, никогда не доходит вполне до человека".

У русского, наоборот, именно человек — в центре внимания; русский никогда не был насильником, каким был и остается европейец. Почему европейец не может понять русской общины? Почему он не понимает

"бесконечной разницы между большинством — выражением грубовещественного превосходства, и единодушным — выражением нравственного единства, в котором все отдельные члены, частные лица теряют свою строптивую личность, а община выступает как нравственное лицо". (431)

Здесь мы видим понимание Хомяковым того, что в наше время зовется организованными системами, понимание того положения, что система — целостность более высокого порядка, выше составляющих ее элементов. Русское воззрение — системное, целостное, а западные — элементарные, односторонние, — вот в чем главное различие между ними. Даже в такой сфере жизни наро-

дов, как язык, Хомяков видит глубокие различия между Западом и Россией:

"Язык словесности, общества, городов во всех почти землях Европы мало принадлежал народу... Одна только Россия представляет редкое явление великого народа, говорящего языком своей словесности". (12-13)

Сам характер западных и русского языков различен. Хомяков отмечает, что французский язык, например (и в этом отношении он не представляет исключения среди других западных языков), будучи удобным для красивого и благопристойного выражения окостеневших бытовых отношений, оказывается в состоянии "жалкого бессилия, когда он хочет выразить живое разнообразие природы".

Хомяков не просто констатирует глубочайшие различия Запада и России, он приходит к убеждению, что народы и государства Запада отжили свой век и умирают, что они неизбежно скоро погибнут, причем погибнут не от внезапного натиска, а в силу иссякания жизненных сил, естественной смертью, — им надоело жить; весь Запад оказался в безысходном тупике.

"Отжили не формы, но начала духовные, не условия общества, но вера, в которой жили общества и люди, составляющие общества. Внутреннее омертвление людей высказывается судорожными движениями общественных организмов, ибо человек — создание благородное: он не может и не должен жить без веры. ...Как скоро оба духовных начала (католицизм и протестантизм — об этом ниже. — М. А.), или, лучше сказать, обе формы одного и того же духовного начала, которыми жила и управлялась Европа в продолжение стольких веков, замолкли перед требованиями критики, самая область духовного опустела, внутренний мир души исчез, вера в разумное развитие погибла и жадное нетерпение вещественных интересов (отчасти законных) не могло признать перед собой никакого другого пути, кроме пути взрывов, насилия". (147-148)

Эти строки были написаны в 1849 г. (хотя устно в московских салонах Хомяков и другие славянофилы высказывали подобные мысли много раньше), почти одновременно с первыми высказываниями Герцена об обреченности Запада и через год после смерти Белинского, провозвестившего великое будущее России; когда, до Крымской войны, русское общество было еще уверено в непобедимости своего государства, сократившего незадолго до того империю непобедимого Наполеона, и Хомяков не говорит об опасности выплеска отчаявшихся и зашедших в тупик народов на Россию, но то, что Запад неизбежно станет на путь насилия, — это он ощущал вполне отчетливо.

Тупик, в котором оказался Запад, — безысходен, понять свое положение и найти выход западные народы сами не в состоянии, — это может сделать только русский народ:

"Людам Запада теперешнее его состояние должно казаться загадкой неразрешимой. Понять эту загадку можем только мы, воспитанные иным духовным началом". (148)

Здесь, в этом положении Хомя-

кова — исток всех последующих теорий об особом историческом пути и призвании России.

Борьба с российским люмпенством и безродностью.

Осознав историческое призвание России, Хомяков естественно должен был задуматься над готовностью русского народа и русского общества к выполнению своей всемирно-исторической миссии. В этом смысле его наблюдения отнюдь не давали повода для чрезмерного оптимизма:

"Итог неутешителен. В то самое время, когда всемирное развитие истории, осудив неполноту и односторонность начал, которыми она управлялась до сих пор, требует от нашей Святой Руси, чтобы она выразила те более полные и всесторонние начала, из которых она выросла и на которые она опирается, — выражение их является невозможным по недостатку органов". (169)

Но почему же на Руси не доставало этих органов самовыражения, если в России была довольно значительная прослойка грамотных и образованных людей, дворянских и разночинных интеллигентов? А потому, что российская интеллигенция была чужда своему народу; воспитанная на западных идеях и теориях, она совершенно не понимала своего народа и не хотела его понимать, видела свет только тогда, когда он шел с Запада. Хомяков со всей страстностью обрушивается на этих безродных интеллигентов:

"Они жалки, как всякий человек, не имеющий отечества, жалки, как жид или цыган, или еще жалче, потому что жид еще находит отечество в исключительности своей религии, а цыган в исключительности своего племени. Они жертва ложного развития". (45)

Корни, приведшие к возникновению безродности и люмпенства русской интеллигенции, — те же, что и приведшие к развалу западных обществ; это — индивидуализм, торгашество, "вигизм".

"Одностороннее развитие личного ума, отрешающегося от преданий и исторической жизни общества, — таков смысл английского вигизма; таков смысл вигизма в какой бы то ни было стране".

Но в Англии, подчеркивает Хомяков, вигизм был естественным развитием одной из стихий, направлявших всю английскую историю, и потому при всей своей гибельности для Англии, он все же оставался народным. Совсем не так обстояло дело с "русским вигизмом", либерализмом:

"У нас он протест против всей народной жизни, против всей ее сущности: он отлучил от себя все русское и сам от него отлучился. Бесильный, как и всякая оторванная личность, лишенный всякого внутреннего содержания (ибо он был только отрицанием, лишенный всякой духовной пищи, ибо он оторвался вполне от своей земли), — он был принужденным, и не мог не быть принужденным, прицепиться к другому историческому и сплошному умственному течению, к движению Запада, которого он сделался школьником и рабом". (156)

И Хомяков бичует

"это духовное рабство перед Запад-

ным миром, этот ожесточенный антагонизм против Русской земли..."

которые отличали безродные и люмпенские элементы русской интеллигенции. Вся деятельность этих элементов, утверждал Хомяков,

"есть не что иное, как беспрестанное подкапывание основ русской жизни". (170)

Он приводит высказывания одного француза, который никак не мог понять смысла в низкопоклонстве русской интеллигенции перед Западом:

"Странный народ вы, русские. Вы потомки великого исторического рода, а разыгрываете добровольно роль безродных найденышей".

Хомяков, конечно, нападал на все виды люмпенства, а не только на безродность и космополитизм. Он не щадил самых верноподданных и ура-патриотических люмпенов, "приверженцев теории официальной народности", которые понимали народность как необходимость сохранения крепостнической самобытной России, укрепления крепостного права и связанных с ним форм жизни. Он был решительным противником крепостничества, не будучи ни либералом, ни демократом. Мы подчеркиваем это потому, что многие исследователи и комментаторы нередко представляют славянофилов законными крепостниками. Пусть читатель сам оценит справедливость подобных утверждений в свете хотя бы такого замечания Хомякова о крепостном праве:

"Крепостное право, если только можно назвать правом такое нарушение всех прав..." (361)

Хомяков видел, что крепостное право возникло в России в связи с необходимостью напрячь все силы народа в борьбе за сохранение политической независимости государства, для защиты от внешних врагов, но что оно совершенно утратило всякое обоснование в 19-ом веке. Но мы не будем говорить об этом, а вернемся к борьбе Хомякова с безродностью и космополитизмом: ведь крепостников в наше время вроде бы не осталось, а вот безродность и космополитизм процветают еще и сегодня.

Хомяков и клеймил позором безродные элементы, и стыдил их, и умолял вернуться к своему народу, но все было тщетно:

"Трудна была борьба, почти безнадежно стремление тех, которые вздумали было просить образованного россиянина сделаться русским человеком и задуматься русским умом". (183)

(Продолжение следует)

ЖУРНАЛ «СОГЛАСИЕ»

В Лос Анжелесе издается русский патриотический журнал "Согласие".

Отделы: политика, история, религия, литература и крестословицы.

Выходит один раз в месяц. Подписная плата в США — 18 долл., за границу — 21 долл.

Чеки направлять по адресу: "SOGLASIE"

5430 Fernwood Avenue
LOS ANGELES CA 90027 USA.
Желающим высылаются пробный номер бесплатно.

ЛЕВ РУБАНОВ

ПАМЯТИ ОСНОВАТЕЛЯ

В апреле этого года исполнилось 35 лет со дня смерти моего друга детства Ивана Лукьяновича Солоневича. Помимо газетного дела, у меня с ним были общие воспоминания о гимназии, о газете «Северо-Западной Жизни», которую издавал его отец Лукьян Михайлович, где Ваня был секретарем редакции, а я театральным рецензентом, пользуясь чем имел кресло во втором ряду на спектаклях труппы баронессы Розен. Помню, как другая гродненская газета «Наше Утро», обиженная на «С.-З. Жизнь» написала как-то: ««Северо-Западная Жизнь» в таком-то номере позволила себе отозваться» и т. д., на что на другой день «С.-З. Жизнь» откликнулась так: «издаваемая г-ном Мейлаховичем газета «Утро из наших» осмелилась» и т. д.

В этот период Ваня и я одновременно работали в редакции. Период был недолговременный — каникулы не то 1912, не то 1913 года, растянутые, как тогда было можно в университете, месяцев на 5-6. Помню, как в гимназические годы Ваня занимался французской борьбой и гириями. Он на большой палец правой руки одевал двухпудовую гирию, а остальные пальцы поддевал брата Борю под пояс сзади и все это «выжимал» на помню сколько раз в «солдатской стойке». Это было когда они жили на Каретном переулке, среди сада, а мы перешли в ту квартиру (тут же по соседству), где Солоневичи жили перед этим, на Татарский переулочек номер 4. И помню как Костя Пушкаревич, прожив у нас два года, прешел потом на квартиру к Солоневичам.

Помню тоже, как мы гуляя гурьбой по лесу в Пышках (6-7 километров от Гродны), 8 марта купались в Немане, а в лесу еще лежали местами груды недотаявшего снега.

Был еще у Вани виленский период жизни. Это было, когда я перешел в Суваловскую гимназию. Жили Солоневичи в так называемом Зверинце — дачный лес по ту сторону Вилии, за мостом, а я возвращаясь с каникул, проведенных у тетки в Харьковской губернии, остановился в Вильне от поезда до поезда, только чтобы повидаться с Ваней, и застрял там на две недели, опоздав в гимназию к занятиям.

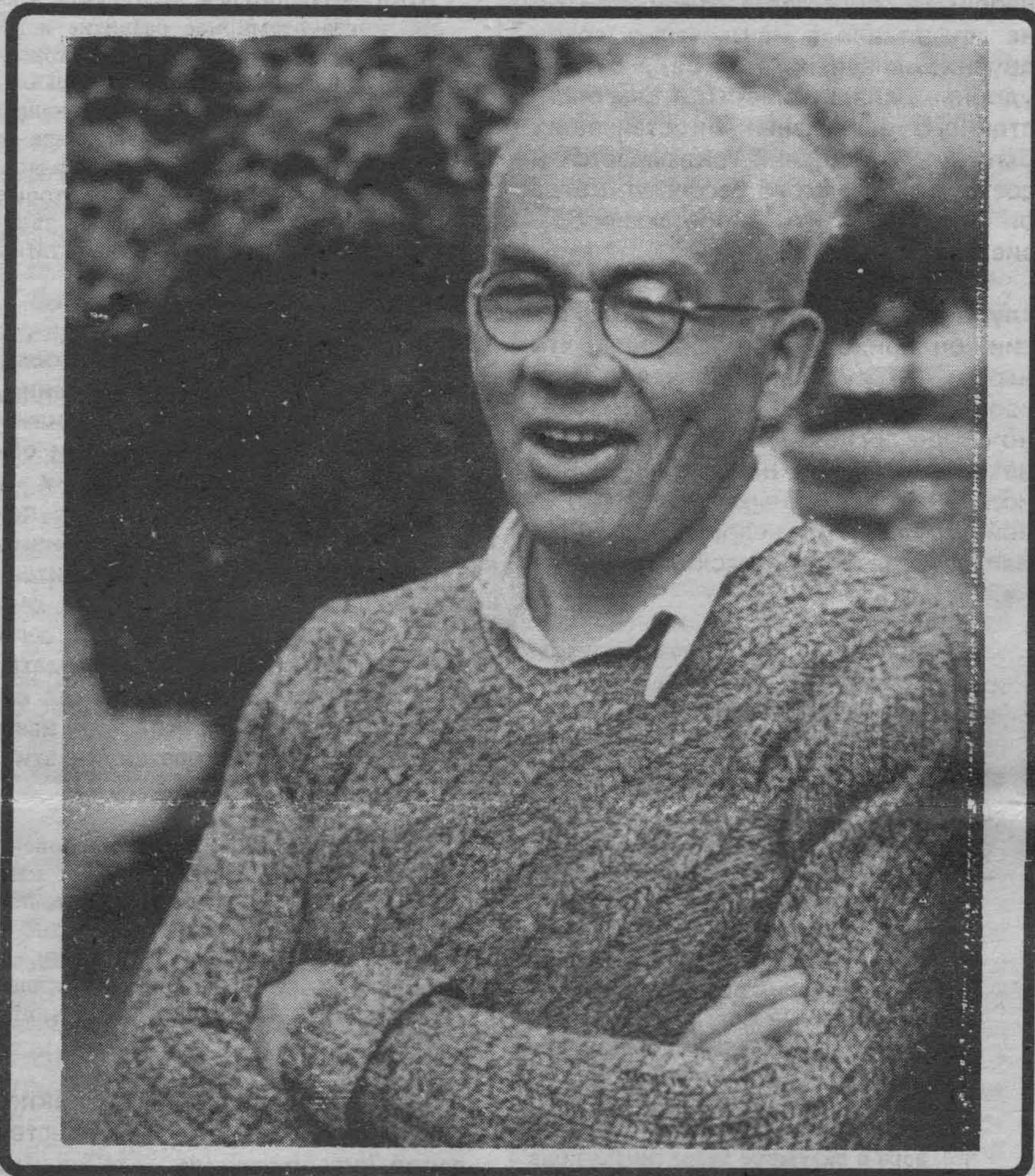
Потом в Петербурге, живя в студенческой компании на Вознесенском, часто ездил к Ване на Жуковскую, близ Эртелева переулочка, где Ваня служил в «Новом Времени». На Жуковской у Вани я отдыхал от студенческой обстановки, так как Ваня имел квартиру в 3-4-комнатных,

где его жена Тамара Владимировна, как гостеприимная хозяйка угощала гостей чаем, после чего состоялся иногда преферанс. Их сын Юра тогда был годовалым, а может быть и нескольких месяцев...

Помню, как меня удивило странное прекращение переписки (после возобновления с Ваней письменной связи) в 1931, не то 1932 году. Ваня тогда готовился к бегству из СССР, о чем, разумеется, писать было нельзя. Собирался он на несколько дней в

университет, чтобы сходить на Неман покурить — много, много вспоминается теперь... Костя Пушкаревич, Мишка Горновский, Данюк, Август Ульрих, Митя Михайлов — это все, кого особенно помню из гродненской компании.

Кроме Ивана Лукьяновича из этой компании также впоследствии отличился Дмитрий Михайлов, который после революции сидел в тюрьме у большевиков, в качестве заложника, но из тюрьмы бежал и в Гражданскую

Харьков, где мы должны были встретиться, но вдруг удивил меня лаконичным извещением, что посещение Харькова отпадает, он же меняет адрес и потому просит больше ему не писать, пока не сообщит нового адреса.

Вспоминаю о совместных прогулках, занятиях спортом, гимнастикой, борьбой, о встречах в Вильне, Гродне, Петербурге, о днях революции 1905 года, когда мы, мальчишки тогда, ходили по улицам компаниями и, подражая старшим, пели: «вы жертвою пали» и «отречемся от старого мира». Вспоминаю, как мы

войну командовал Первым Ижевским полком, насчитывающим 4500 бойцов — все рабочие, восставшие против большевизма. После командования этой ударной частью — отступление, Харбин, восемь месяцев без работы, голод. Наконец устроился на Главные механические мастерские КВЖД. Далее — во время гражданской войны в Китае — поступил в китайскую армию рядовым, но вскоре стал повышаться и дослужился до чина полковника. Два года с половиной командовал бронепоездом. В 1952 году переехал в Буэнос-Айрес, где и скончался.

ЛЕВ РУБАНОВ

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Национальная, внепартийная, общественная ежедневная газета, издаваемая в городе Сан-Франциско, США с августа 1921 года.

Подписка на 1 год — 75.- долларов, на полгода — 40.- долларов, на 3 месяца — 25.- долларов.

Подписку направлять по адресу: 2460 Sutter Street, San Francisco, CA 94115 USA.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ВО ФРАНЦИИ

Новым представителем "Нашей Страны" во Франции с 14-го ноября 1987 года является Евгений Зилювевич Кармазин. Редакция просит по всем делам, то есть уплаты подписки, перемены адресов и т. д., обращаться только к нему. Его адрес: Mr. E. KARMAZIN, 41 rue Joseph de Maistre, PARIS (18-me).

Николай Воейков

КНИГА ДЛЯ ПАТРИОТОВ

Советам всегда было несправедливо и опасно мировоззрение белой эмиграции. Это мировоззрение прежде всего свидетельствует о нашем неодолимом духе непримиримости к строю, навязанному обманом и насильем русскому народу семьдесят лет назад. Несмотря на все попытки советов ее разложить, Зарубежная Русь в основном осталась верна традициям, на которых создавалась наша тысячелетняя история, традициям, которыми вдохновлялись воины Белого движения и которые живы в недрах нашей родины.

Труд В. В. Зарубина "Из записной книжки" (Мюнхен, 1988) составлен из ряда статей, опубликованных в различных зарубежных органах печати и свидетельствует прежде всего о непримиримости автора к советскому строю, будь то ленинскому, сталинскому, брежневскому или горбачевскому. В отличие от теперешних "плюралистов" третьей волны, столь хлестко избалованных Солженицыным, автор решительно отмечает всякое соглашательство с нашим врагом во всех областях, откуда народы СССР живут "под увеличительным стеклом КГБ".

Убежденный монархист, имперец, он свидетельствует, также как это делал покойный И. Л. Солоневич, о наличии монархических чаяний в народе, вопреки всяким лживым заверениям безответственных эмигрантских соглашателей: это оправдывает нашу веру в восстановление Российской Империи, великой семьи народов под скипетром русского православного Царя.

Как очевидец и участник Зарубин подробно описывает "Венгерское восстание 1956 года", героическую попытку потопленную в крови, при полном безразличии одуроченных Советами западных государств. Очень интересна монография "Ярославские храмы и Семен Спиридонов Холмогорец", вкратце излагающая историю нашей древней иконописи и зодчества с XIII по XVII века, с подробным описанием реставрационных трудов Спиридонова и его сотрудников. Большинство этих святынь были кощунственно разрушены Советами.

В талантливых зарисовках под заглавием "Советский блеф" и "Житье советское", показана бозотрадная советская действительность и бессилие властей наладить по марксистским рецептам экономику страны, при царском режиме снабжавшей зерном и прочими товарами весь мир.

Книга Зарубина нужна каждому русскому патриоту.

Николай Воейков

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует Ред. коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires. Телефон: 544-0530. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экземпляр: Австралия — 0.80 ам. долл.; Германия — 1.80 н. м.; Франция — 5 фр.; Италия — 1100 лир; США — 0.80 ам. долл.; Аргентина — 4.00 австр. В остальных странах — 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Банковские переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18.9.1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Bs.As.

Correo Argentino
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces. No. 4233
Interes General. Conces. No. 3980